

образом, постулируется факт функционального единства (связанного с «запуском» механизма языкового развития) оппозиционных грамматических значений, что может быть, с нашей точки зрения, истолковано как диалектическое взаимодействие экономного и избыточного плана выражения на грамматическом уровне языка.

Известный российский германист Л.М. Михайлов, характеризуя диалогическую речь, констатирует факт сосуществования двух тенденций – к языковой экономии и языковой избыточности [Михайлов, с. 144]. Он называет эти тенденции также соответственно имплицативной и эксплицативной. Имплицативность выражается в речи через экономию языковых средств, краткость и лаконичность диалогических форм, она обусловлена ситуацией общения, пресуппозицией, четко выраженной коммуникативной целеустановкой. Напротив, эксплицативность характеризуется как «степень вербализации позиций в форме предложения по принципу: **больше, чем нужно для решения одной коммуникативной задачи**» [Михайлов, с. 145]. При таком подходе к сущности рассматриваемого явления на передний план выходят такие его причины, как спонтанность, неподготовленность анализируемой в рассматриваемой работе диалогической коммуникации, а также ее эмоциональность и экспрессивность. Диалектическое единство двух данных тенденций, по мнению Л.М. Михайлова, детерминировано внеязыковыми и языковыми факторами, воздействующими на акт коммуникации [Михайлов, с. 144]. Однако на констатации этого факта рассуждения о взаимосвязи и взаимозависимости речевой имплицативности и эксплицативности, безусловно, ценные с позиции нашего исследования, прерываются.

И.Р. Гальперин, чьи труды [Гальперин, 2004] внесли огромный вклад в осмысление информационной природы вербальной коммуникации в целом и отдельных ее конститuentов, т.е. разноуровневых единиц языка, в частности, вплотную приблизился к пониманию диалектической связи неполноты и избыточности информации в текстовом пространстве, прежде всего художественном. Об этом свидетельствует, в частности, эпиграф, избранный этим исследователем к главе «Виды информации в тексте» из монографии «Текст как объект лингвистического исследования»: как много сказано несказанным [Гальперин, 2004, с. 26]. В другом месте рассматриваемой работы И.Р. Гальперин фокусирует свое внимание на соотношении конкретного и неопределенного в художественном текстовом пространстве [Там же, с. 48]. Под неопределенным при этом понимаются, прежде всего, энтропийные процессы, связанные с творческим, художественным началом в литературном произведении, которые создают дополнительные информационные кванты, не способствующие конкретизации содержательно-фактуальной информации, а, напротив, затуманивающие ее референциальную отнесенность. Тем самым И.Р. Гальперин оперировал в своих рассуждениях единицей анализа, во многом сходной с ССА.

Аддитивность семантики (т.е. многозначное и расширительно абстрактное использование языковой единицы), как и аддитивность формы (т.е. ее экспансия с включением дополнительных аксиологических инференциальных компонентов) не во всех случаях ведут к увеличению информативности вербальной коммуникации вообще и анализируемого нами художественного текста в частности. Другими словами, существует класс неинформативных ССА, который и будет рассмотрен в данной статье. Среди неинформативных ССА, как показали наши наблюдения над художественными текстами, доминируют гиперонимы. Это один из способов «передать информацию адресату так, чтобы он, хотя и получил ее, не слишком ее заметил» [Милославский, с. 92]. В художественном дискурсе гиперонимы эксплицируют желание информировать не информируя.

Рассмотрим примеры функционирования ССА подобного типа в литературных произведениях. В романе «Комедианты» известный английский писатель XX в. Г. Грин использует при характеристике своего персонажа гиперонимическую ССА с широкой абстрактной семантикой *in a good cause* (*ради благого дела*) с тем, чтобы акцентировать его хитрость, которая проявляется практически при любом стечении обстоятельств, так как делимитирующий ее сферу действия вербальный ограничитель неинформативен: *In a good cause he could show cunning and now he played his cards close to his chest* [Greene, p. 153]. – **Ради благого дела** этот человек мог пойти и на хитрость, и сейчас он не хотел открывать свои карты раньше времени [Грин, с. 162].

Подобным приемом пользуется и Дж. Оруэлл. В его сатирической сказке «Скотный двор», где пародируются события в послереволюционной Советской России, свиньи-правители поедают все лучшее, как они сами выражаются, *over welfare* (*на благо*) других животных. Однако что такое это общее благо при этом не конкретизируется, вследствие чего обладающее помпезно-возвышенными аддитивными семемами существительное *welfare* оказывается «пустышкой», т.е. языковым знаком с нулевой информативностью: *Day and night we are watching over your welfare. It is for your sake that we drink that milk and eat those apples* [Orwell, p. 32]. – *И днем и ночью мы работаем на ваше благо. И молоко пьем, и яблоки мы едим тоже ради вас же самих* [Оруэлл, с. 40].

Нейтрализация возвышенной коннотации, ведущая к редукции информативности, встречается и в творчестве русских писателей прошлого столетия. Так, в частности, в романе И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Двенадцать стульев» цель собрания «Союза меча и орала», возглавляемого Остапом Бендером, сформулирована весьма туманно, с использованием гиперонима, который ниже выделен жирным шрифтом: *Я не стану говорить вам о цели нашего собрания – она вам известна. **Цель святая.** Отовсюду мы слышим стоны. Со всех концов нашей обширной страны взывают о помощи* [Ильф, Петров, с. 82]. Персонаж из упомянутого выше романа выражается подобным образом осознан-

но, с тем чтобы скрыть информацию об антисоветской оппозиционной направленности возглавляемой им организации, так как он, по всей видимости, опасается, что среди участников тайного собрания найдутся и те, кто не разделяет его политических взглядов.

Особое место среди неинформативных гиперонимов занимают политические эвфемизмы, которые имплицитно «утаивание замысла отправителя сигналов» [Гальперин, 2005, с. 177], а следовательно, ведут к редукации информативности художественного текста. Так, к примеру, в романе Г. Грина «Комедианты» читаем следующий пассаж: *There are rumours about a new Secretary for Social Welfare* [Greene, p. 100]. – *Ходят слухи о новом министре социального благополучия* [Грин, с. 106]. Действие, о котором повествуется в рассматриваемом литературном произведении, разворачивается в нищем и разоренном диктаторским режимом маленьком латиноамериканском государстве. В изображаемом автором романа мире не может быть речи ни о каком социальном благополучии. Из изложенных соображений очевиден эвфемистический характер номинации министерства, ведающего экономическими вопросами, а также нейтрализация ценности приукрашивающей реальное положение дел аддитивной информации, обусловленная описанной в тексте социально-политической действительностью.

Политические эвфемизмы довольно частотны и в русской художественной литературе XX в. Вот пример из романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», где их использование редуцирует фактуальную информацию: *...В дни торжества материализма материя превратилась в понятие, пищу и дрова заменил продовольственный и топливный вопрос* [Пастернак, с. 193]. Стилистически возвышенная окрашенность выделенных жирным шрифтом политических эвфемизмов оттесняет на задний план сведения о тяжелом положении в экономике после-революционной России. Таким образом, аддитивные кванты эмоциональной информации в данном случае не информативны в когнитивном плане.

А.И. Солженицын при помощи известного политического эвфемизма сталинских времен *труд-чародей* иронически изображает тяжелые трудовые будни заключенных ГУЛАГа. Всем ходом развертывания повествования он доказывает, что основой всех достижений периода репрессий были жестокие карательные меры, а не волшебство и чародейство: *А потом они вдвадцатиром берут одно такое бревно на плечи и под командный мат отъявленной своей бригадирии несут бревнище на новое место и сваливают там. Вы скажете – трактор? Да помилуйте, откуда трактор, если это 1948 год? Вы скажете – кран? А вы забыли Вышинского – «труд-чародей, который из небытия и ничтожества превращает людей в героев»? Если кран – так как же с чародеем? Если кран – эти женщины так и погрязнут в ничтожестве* [Солженицын, с. 155]. Принимая во внимание процитированный текстовый пассаж, можно говорить о нейтрализации пафосной эмоционально-оценочной семантики политического эвфемизма *труд-чародей* и даже о замене

ее негативной коннотацией, так как сама мысль о каком-либо героизме и чародействе в условиях ГУЛАГа представляется с позиции современного читателя нонсенсом. То есть заложенные в сталинскую эпоху аддитивные кванты в семантике анализируемой идеологемы не информативны как с точки зрения А.И. Солженицына, так и с точки зрения современного социума.

С диалектическим единством противоположностей на уровне текстовой информативности связан, с нашей точки зрения, «эффект смысловых ножниц», о котором пишет Т.М. Дридзе [Дридзе, с. 208 – 213]. Его суть состоит в том, что процесс, связанный «с нарушением функции информативности текстовых материалов в ходе социальной коммуникации, может быть описан как возникновение смыслового вакуума, вызванного несовпадением «фокусов» текстовой деятельности партнеров в ходе знакового общения» [Дридзе, с. 208 – 209]. Тем самым речь в рассматриваемой концепции идет, как и в нашем исследовании, о неинформативных ССА.

Первая ситуация, в которой возникает «эффект смысловых ножниц», обусловлена разрывом между «коммуникативным намерением автора сообщения и способом реализации последнего, его речевым воплощением» [Там же, с. 209]. В художественной речи описанная выше картина имеет место, когда коммуникация осуществляется в диаде «персонаж 1 – персонаж 2», так как автор художественного текста, будучи элитарной языковой личностью, не допускает появления в своих высказываниях «несостыковок» подобного рода. Напротив, в речи персонажей, являющейся, как правило, стилизованной под обыденный диалог, могут быть изображены ситуации, где присутствует разрыв между интенциями отправителя высказывания и их речевым воплощением.

Обратимся к анализу текстовых фрагментов, чтобы проследить, как ССА в речи одного из коммуникантов не оформляется адекватно для понимания его собеседником, вследствие чего происходит коммуникативная неудача, причиной которой является неинформативность ССА адресанта сообщения для его адресата:

'You evidently don't believe in the maxim: Act so that every one of your actions is capable of being made into a universal rule.'

'I never heard it before, but it's rotten nonsense.'

*'Well, it was **Kant** who said it.'*

'I don't care; it's rotten nonsense.' [Maugham, p. 67-68]. –

– Вы, видимо, отрицаете максиму: «Поступай так, чтобы любой ваш поступок мог быть возведен во всеобщее правило».

– Первый раз в жизни слышу! Чушь какая-то.

– Между тем это сказал **Кант**.

– А мне что. Чушь и ничего больше [Моэм, с. 49].

В представленном выше примере получатель сообщения не имеет ни малейшего понятия о категорическом императиве И. Канта, но говорящий с ним не подозревает об этом, что обрекает его апелляцию

к этическому идеалу, воплощенному в высказывании философа, на неудачу: его замысел не находит тем самым адекватной для воздействия на собеседника вербальной реализации, что и превращает ССА (связанную с имплицитным отправителем, но не декодируемым реципиентом смыслом) в неинформативный языковой знак как с фактуальной, так и с аксиологической точки зрения.

Далее рассмотрим еще один пример, где реципиент первого высказывания не делает того инференциального вывода, на который рассчитывает его отправитель (о том, что сироту надо пожалеть и дать ему долгожданного хереса), что нейтрализует прескриптивную информативность выделенной жирным шрифтом ССА в контексте действий второго участника коммуникативного акта:

– Я ведь ... из Сибири, **я сирота** ... А просто чтобы не так тошило ... хереса хочу.

Зря это я опять про херес, зря! Он их сразу взорвал. Все трое подхватили меня под руки и через весь зал – о, боль такого позора! – через весь зал провели меня и вытолкнули на воздух [Ерофеев, с. 15].

Вторая ситуация, когда вступает в силу «эффект смысловых ножиц», возникает при «несоответствии используемых в текстах языковых средств «языковым ресурсам», имеющимся в распоряжении адресата» [Дридзе, с. 209]. Среди таких не понятых, а следовательно, и неинформативных для адресата речевого сообщения слов незнакомые ему реалии, персоналии, географические названия, термины, иноязычные текстовые вкрапления. Отправитель вербального коммуникативного акта, используя такие знаки, намеревается оптимизировать персуазивный эффект своего сообщения, но в речи этого не происходит, а, напротив, ведет к коммуникативной неудаче. Типичным примером рассмотренной выше ситуации являются интертекстуальные вкрапления и варваризмы.

Проиллюстрируем приведенные выше положения анализом примеров из литературных произведений. В романе Дж. Джойса «Улисс» встречаем следующий пассаж: *Then he was aware of them bodies before of them coloured. Но? By knocking his sponce against them, sure. Go easy. Bald he was and millionaire, **maestro di color che sanno*** [Joyce, p. 45]. – *Значит, то, что тела, он усвоил раньше, чем что цветные. Как? А стукнувшись башкой о них, как еще. Осторожно. Он лысый был и миллионер, **maestro di color che sanno*** [Джойс, с. 40]. Выделенные жирным шрифтом слова – это дословная цитация из «Ада» Данте, в русском переводе она звучит: «учитель тех, кто знает». Их референт в тексте романа эксплицитно не указывается (Из комментария С. Хоружего становится понятно, что речь здесь идет об Аристотеле. – Примечание мое. – Е.Ж.), однако для среднестатистического читателя подобный инференциальный вывод затруднен, так как едва ли он способен идентифицировать источник процитированного интертекстуализма. Следовательно, в данном случае налицо неинформативность интендируемой автором литературного произведения аддиции, поскольку

инокультурный (как для читателя оригинала, так и для читателя перевода) колорит, апеллирующий к фоновым знаниям реципиента, легко утрачивается, а вместе с ним исчезает и когерентность высказывания, оно делается бессвязным и непонятным.

Неинформативность ССА в форме интертекстуального варваризма характерна не только для англоязычной литературы, но и для произведений русских писателей: *Через муки на Курском вокзале, через очищение в Кучине, через грезы в Кунавне – к свету и Петушкам. Dutch Leiden – Licht!* [Ерофеев, с. 70] В приведенном примере немецкоязычное вкрапление в форме варваризма дублирует информацию из предшествующей пропозиции на русском языке (*Через муки – к свету*). Следовательно, оно неинформативно по двум причинам: во-первых, из-за своей дублетности, снижающей информационную значимость; во-вторых, вследствие немецкоязычного написания, так как не любой потенциальный читатель прозы В. Ерофеева владеет этим языком.

В следующем ниже фрагменте нейтрализация аддитивных сем выделенной фразеологической единицы, связанная с «эффектом смысловых ножниц», обусловлена использованием русской кальки немецкого культуронима *nach Kanossa gehen*: *Хочешь идти в Каноссу – никто тебе не мешает, иди в Каноссу. Хочешь перейти Рубикон – переходи ...* [Ерофеев, с. 121]. Выражение «идти в Каноссу» связано с важным для становления немецкой государственности событием XI в. – походом немецкого кайзера Генриха VI ко двору римского Папы, где ценою невероятных унижений Генрих VI добился отпущения грехов и поддержки католической церкви в борьбе против своих политических врагов. Но это событие из отдаленной истории Германии – не общеизвестная информация в современном российском социуме. Исходя из подобных соображений, инференциальный вывод из анализируемого высказывания, который можно сформулировать как «Хочешь унижаться – унижайся, хочешь идти напролом – иди», выходит за пределы социокультурной компетенции рядового российского читателя романа (Наши наблюдения в ходе опроса 50 носителей русского языка различного возраста и образовательного уровня показали, что инференциальное декодирование фразеологизма *перейти Рубикон* у респондентов не вызвало проблем. – Е.Ж.).

Теоретический и эмпирический материал, проанализированный в данной статье, позволяет сделать вывод касательно релевантности закона о единстве противоположностей применительно к неинформативности ССА в художественном текстовом пространстве. Подобная нейтрализация аддитивных информационных квантов эксплицируется здесь, прежде всего, при использовании субъектом художественной речи гиперонимов и политических эвфемизмов, а также в ситуациях, где вступает в действие «эффект смысловых ножниц».

Литература

- Адмони В.Г.* Основы теории грамматики. М.; Л., 1964.
- Гальперин И.Р.* Информативность единиц языка // *Гальперин И.Р.* Избр. труды. М., 2005.
- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 2004.
- Грин Г.* Комедианты // *Грин Г.* Комедианты. Путешествия с тетушкой. М., 1997.
- Джойс Дж.* Улисс. СПб., 2004.
- Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.
- Ерофеев В.* Москва – Петушки. М., 2003.
- Ильф И.А., Петров Е.П.* Двенадцать стульев. Элиста, 1991.
- Кохановская Т.И.* Философия. Ростов н/Д., 2004.
- Милославский И.Г.* Культура речи и русская грамматика. М., 2002.
- Михайлов Л.М.* Коммуникативная грамматика немецкого языка. М., 1994.
- Моэм С.* Луна и грош // *Моэм С.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. М., 1991.
- Оруэлл Дж.* Скотный двор // *Оруэлл Дж.* Скотный двор. 1984. Памяти Каталонии. Эссе. М., 2003.
- Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго. СПб., 2003.
- Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. М., 1990.
- Спиркин А.Г.* Философия. М., 2004.
- Татаринцева Е.Н.* Антиномический анализ как механизм описания вариативности языковых норм // *Общетеоретические и типологические проблемы языкознания.* Бийск, 2010.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Greene G.* The comedians. Harmondsworth, 1984.
- Joyce J.* Ulysses. L., 2000.
- Maugham S.* The Moon and Sixpence. M., 1969.
- Orwell G.* Animal Farm. Harmondsworth, 1971.

УДК 81'23
ББК 81.001.3

О.А. Жарина

**КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ:
ЭКОНОМИЯ
РЕЧИ В РУССКОМ
И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Статья посвящена рассмотрению основных когнитивно-мыслительных предтекстовых операций при порождении текста. Выраженные имплицитно в готовом произведении когнитивно-мыслительные операции являются условием закономерной экономии речи. Приводится классификация предтекстовых категорий презумпций и пресуппозиций, анализируются их роль при порождении текста.

Ключевые слова: *текст, дискурс, категория имплицитности, предтекстовые когнитивно-мыслительные операции, предтекстовые категории, презумпции, пресуппозиции.*

Жарина Ольга Александровна – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков и методики преподавания Педагогического института Южного федерального университета

Тел.: 8-908-177-93-10
E-mail: undina79@list.ru

© Жарина О.А., 2011 г.

Проецирование когнитивных знаний на язык (соответствующие языковые единицы) характеризуется значительным редуцированием речевых усилий. Это вызвано, в первую очередь, предтекстовыми когнитивно-мыслительными операциями, реализация которых обусловлена свойством человеческого мышления оставлять без эксплицитного выражения те знания о реальном мире, которые находятся в фонде общечеловеческих знаний или знаний, образующих концептосферу того или иного народа, а также знаний, восстановление которых в случае коммуникативной неудачи возможно посредством операций логического вывода. Так, в теории дискурса Т.А. ван Дейк писал, что «...при наличии последовательности пропозиций необходимо опустить те пропозиции, которые не служат условиям интерпретации» [ван Дейк, с. 69]. Наличие и осуществление в сознании предтекстовых когнитивно-мыслительных операций, находящихся имплицитное выражение в готовом высказывании, является условием эксплицитного построения синтаксических единиц. При этом когнитивно-мыслительным операциям, связанным с выведением смысла на основе жизненного опыта и экстралингвистических знаний, соответствует предтекстовая категория «пресуппозиция», а когнитивно-мыслительным операциям, связанным с логическими исчислениями, – «презумпция».

С учетом данного разграничения языковыми проекциями типов когнитивно-мыслительных операций выступают синтаксиче-

ские конструкции с имплицитными звеньями на основе пресуппозиции и презумпции.

Среди пресуппозиций самым распространенным видом являются пресуппозиции «общежитейские знания», в теории дискурса обозначаемые как фрейм. Фрейм организуется вокруг некоторого ядра и поэтому содержит информацию, ассоциирующуюся с данным ядром [Маслова, с. 47]. Приобретенный жизненный опыт позволяет не эксплицировать в тексте те знания, которые присущи всему социуму. Соответственно при порождении текста данная информация содержится в сознании говорящего, но не находит своего эксплицитного выражения в законченном произведении. Например: *Публика от прилавков обернулась и почему-то с изумлением поглядела на говорившего, хотя хвалить магазин у того были все основания. Сотни штук ситцу богатейших расцветок виднелись в полочных клетках. За ними громоздились миткали и шифоны и сукна фракные. В перспективу уходили целые штабеля коробок с обувью, и несколько гражданок сидели на низеньких стульчиках, имея правую ногу в старой потрепанной туфле, а левую – в новой сверкающей лодочке, которой они и топали озабоченно в коврик* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). С учетом ассоциаций, связанных с фреймом «магазин», описываемая ситуация представляется непротиворечивой и не требует дополнительных пояснений в отношении развертывания компонентов данного фрейма. Данные ассоциации выступают как необходимые предтекстовые фоновые знания, позволяющие элиминировать пропозиции, связанные с описанием и основным назначением понятия «магазин».

Данное положение верно и в отношении английского языка. Например: *The Christmas before last I took her downtown shopping with me. We had a helluva time. I think it was in Bloomingdale's. We went in the shoe department and we pretended she – old Phoebe – wanted to get a pair of those very high storm shoes, the kind that have about a million holes to lace up. We had the poor salesman guy going crazy. Old Phoebe tried on about twenty pairs, and each time the poor guy had to lace one shoe all the way up. It was a dirty trick, but it killed old Phoebe. We finally bought a pair of moccasins and charged them* (J. D. Salinger. The Catcher in the Rye). *Прошлым Рождеством я ее взял с собой в город за покупками. Чего мы только не выделывали! По-моему, это было в магазине у Блумингдейла. Мы зашли в обувной отдел и сделали вид, что ей, сестренке, нужна пара этих высоченных горных ботинок, знаете, которые зашнуровываются на миллион дырочек. Мы чуть с ума не свели этого несчастного продавца. Моя Фиби перемерила пар двадцать, и каждый раз ему, бедняге, приходилось зашнуровывать ей один башмак до самого колена. Свинство, конечно, но Фиби просто умирала от смеха. В конце концов, мы купили мокасины и попросили прислать на дом.* Пресуппозиция общежитейские знания, фрейм – «shop», предтекстовыми фоновыми знаниями явились все ассоциации, связанные с данным понятием: shopping, shoe department, shoes, salesman, try on, moccasins и т.д. Обь-